

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЙ XVIII—XX ВВ.

I.

Обсуждение вопроса о роли геополитического фактора в инициировании и осуществлении российских модернизаций XVIII—XX вв. требует ряда предварительных замечаний, касающихся взаимодействия динамики общественного развития с его пространственными формами.

Во-первых, социальные изменения как меру исторического времени можно (конечно, весьма условно) подразделить на циклически повторяющиеся, отражающие моменты функционирования общественных систем и их воспроизводства, и собственно исторические, порождающие необратимые качественные преобразования общества, новые формы социального бытия. Именно последние, отражая момент исторической новизны, и составляют то, что мы привычно понимаем как историческое развитие. Разделить эти два типа *движения* общества можно лишь теоретически; в реальном историческом процессе они слиты и взаимно обуславливают друг друга. Само развитие можно рассматривать как своего рода накопленный результат функционирования общественной системы: моменты развития общественной системы фиксируются в непрерывных, подчас не вполне заметных видоизменениях, которым подвергается порядок ее функционирования, что, в конечном итоге, ведет к ее эволюционным или революционным преобразованиям, порождению нового качества общественной системы.

Во-вторых, говоря о развитии любой социальной системы, мы, прежде всего, подразумеваем под ним именно *диахронное развитие*, т. е. развитие по «вертикали» времени (из прошлого через настоящее в будущее), в то время как сама эта общественная система мыслится нами как некая самотождественная целостность, способная поддерживать свою идентичность и границы через осознание собственной историчности. Так, эволюция городского ландшафта может служить примером не только метафорического, но и вполне реального отражения того, как одни способы жизнедеятельности исторических обществ с течением времени «перекрываются» другими в границах одного локуса.

Разбирая особенности тех или иных фрагментов исторического развития, мы часто интуитивно ощущаем, что некоторые из них оказываются преимущественно связаны с таким внутренне обусловленным *эволюционно-диахронным* развитием социального объекта в его почти неизменных пространственных границах, а другие — главным образом с *пространственным* расширением системного поля социальных и культурных отношений, характеризующих подобный объект. Можно говорить, конечно, только о преобладании того или иного типа изменений в процессе исторического развития, а не об исключении одним другого. При этом различие «временного» и «пространственного» типов исторического развития идет гораздо дальше, чем кажется на первый взгляд. Эволюционно-диахронное развитие чаще всего соотносится с самой сущностью социального и с его культуротворческой (как в материально-созидательном, так и в духовно-интеллектуальном смысле) функцией, т. е. с собственно развитием, а развитие пространственное — с движением во внешнем по отношению к социуму мире природы, которая, заполняя собой физическое пространство, обеспечивает хотя и «питающую», но все же преимущественно пассивную среду жизнедеятельности человеческого рода, а следовательно, подразумевает лишь механическое расширение последней.

Заметим, что пространственный рост очень часто рассматривался в историографии как ущербное, малозначачее и весьма несовершенное проявление социально-исторического развития — скорее как эпифеномен, или побочный результат, созидательно-творческой эволюции социума. Это, в частности, хорошо отразилось в понимании русскими историками сущности колониационных процессов. Например, Г.В. Вернадский в 1914 г. рассматривал беспрецедентную по масштабам русскую колонизацию зауральских территорий преимущественно как движение расходящихся из центра страны кругов застывшего «социального времени»: «То, что для Московской Руси уже прошлое, по мере удаления от Москвы, для Сибири может еще быть настоящим. Наблюдая все пространство, где действует данное человеческое общество, в разрезе любого момента времени, мы можем видеть — все дальше и дальше, чем позже мы смотрим — эти застывшие круги, отзвуки того, что прежде жило в центре, но что там давно уже умерло»¹. Явно или неявно проводится мысль о том, что затраты

¹ Вернадский Г.В. Против солнца: Распространение русского государства к востоку // Русская мысль. 1914. № 1. С. 57.

созидательной энергии, которые общество вынуждено расходовать на механические перемещения населения, в конечном итоге оборачиваются едва ли не приостановкой социально-культурного прогресса. Известный русский историк, виднейший специалист по истории русской колонизации М.К. Любавский ставил эту приостановку в зависимость от уменьшающейся «плотности» социальных взаимодействий, полагая, что именно «разбросанность населения» как прямое следствие колонизации явилась «сильным тормозом в ее (России — К.З.) культурном развитии, в экономическом, умственном и гражданском преуспевании»².

С этим взглядом можно поспорить в том отношении, что он явно не учитывает *переломных ситуаций* в развитии общества, когда осуществляемое за относительно короткие сроки масштабное приращение государственной территории обеспечивает ему *новые громадные ресурсы* для свершения тех социально-исторических изменений, на которые в обычном порядке уходили бы десятилетия и даже столетия. Здесь уместно вспомнить замечание В.О. Ключевского (опять же высказанное в связи с ранней колонизацией северо-востока Руси) о двух формах взаимодействия общества с природой: в первом случае человек «приспосабливается к окружающей его природе, к ее силам и способам действия», во втором — «их приспособляет к себе самому, к своим потребностям, от которых не может или не хочет отказаться»³. Очевидно, что речь в данном случае идет о противопоставлении *присваивающего* способа хозяйствования, как более примитивного и поверхностного, более зрелому и стимулирующему творческую энергию — *производственному*. То разделение данных способов хозяйствования, которое возникло на заре человеческой истории в порядке эволюционных изменений, на наш взгляд, не исчезает полностью и на более высоких стадиях исторического развития. Оно лишь приобретает новые — государственно-организованные — формы. Логично предположить, что при определенных исторических условиях общество может с меньшими затратами достигать сопоставимой меры материального богатства скорее *захватом или колонизацией нового пространства* (как вместилища разнообразных и почти даровых ресурсов), чем *прогрессом производства* на старой территориальной базе.

² Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000. С. 24.

³ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. — Т. I. Курс русской истории. Ч. I. М., 1987. С. 78—79.

Обстоятельства, способные подвигать общество к такому выбору, могут быть различны. А.-В. Эспинас относит к числу важнейших факторов, стимулировавших в XVI—XVII вв. колониальную экспансию европейских держав, становление абсолютизма в рамках формирующихся национальных государств, которое сопровождалось, с одной стороны, гигантским ростом расходов на содержание крупных постоянных армий (как орудий национальных устремлений), с другой — расцветом дворцовой роскоши, которая стала еще одним полем состязания властных честолюбий монархов⁴. Налоги с торговли и промышленности, по-видимому, не всегда могли адекватно покрывать эти расходы государственной власти, в связи с чем, в дополнение к последним, потребовалось обращение к чисто экспансионистским (и в этом смысле вполне «революционным») методам приумножения общественного богатства — включая «предпринимательство» самого государства на ниве колониальных авантур и военных захватов. В этом случае мы имеем дело не с исключительным, но довольно типичным явлением, характеризующим определенную стадию европейского развития, в том числе развития стран, которые служили России примером для подражания, а в каком-то смысле — и прототипом самой российской модернизации. Б.Ф. Поршнев в свое время убедительно доказал немаловажное значение фактора военной экспансии в удовлетворении экономических интересов «шведской олигархии», а следовательно, в логике самих военных захватов, осуществленных Швецией по итогам Тридцатилетней войны 1618—1648 гг. Сами по себе очень незначительные по масштабам, территориальные приобретения Швеции позволяли ей контролировать устья Везера, Эльбы и Одера как торговых артерий, ведущих из сердца Германии на Балтику, и, как следствие, давали ей «возможность превратить в источник сказочного обогащения искусственно поддерживаемую и монопольно присваиваемую разницу цен на товары в Балтийском бассейне и в Западной Европе»⁵. С этими же мотивациями связан расцвет в Европе XVII—XVIII вв. политики меркантилизма, которая, в сущности, была одной из простейших форм накопления богатства и ярким выражением принципа полезности (меньше ввозить и больше вывозить, добиваясь сосредоточения в

⁴ Эспинас А.-В. История экономических учений / Пер. с фр. СПб., 1998. С. 56—57.

⁵ Поршнев Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970. С. 176.

руках государства избыточного количества золотой и серебряной монеты). Заметим, что, наряду с теми стимулами, которые меркантилизм обеспечивал для внутреннего экономического подъема (создание мануфактур, введение таможенных барьеров и т. п.), первичной и наиболее простой формой проявления этой политики была все-таки *дистанционная торговля*, теснейшим образом связанная с извлечением сверхдоходов из разницы цен на редкие (а потому — престижные и дефицитные) и особенно дорогостоящие товары в местах их приобретения и местах их последующей перепродажи. Поэтому вполне понятно, почему пространственным выражением политики меркантилизма стала безудержная экспансия европейских держав, связанная с формированием заморских колониальных империй и установлением режимов монополии на торговлю метрополий со своими колониями⁶.

По-видимому, можно говорить о том, что на разных стадиях развития общества дистанционная торговля вообще являлась *исторически первой формой* складывания устойчивых рынков (не только международных, но и национальных), поскольку базировалась на простейшем (т. е. преимущественно присваивающем и весьма поверхностном) извлечении и выгодном обмене тех продуктов, которые обеспечивались какой-либо территорией, прежде всего, в силу ее *естественного богатства*, а не организации на ней сколько-нибудь развитого производства. В этом аспекте традиционный посыл марксистского экономического детерминизма, согласно которому торговый обмен всегда следует за производством, необходимо уточнить в том смысле, что *присвоение* богатств природы (колонизация) или других обществ (война) — это тоже вид производства. Возникающая первоначально на простой разнице товарных номенклатур, присущих отдельным местностям, дистанционная торговля задает структуру стимулов, которые в дальнейшем поэтапно включают в позиции экономического обмена и другие факторы (качество, цена производства и т. п.), обуславливая возникновение более развитых форм производства. В свое время, при всей высокой оценке научных достижений С.В. Бахрушина, каноническая советская историография отмечала как методологический недостаток его работ то, что при изучении динамики складывания всероссий-

⁶ См. об этом подробнее: Зубков К.И. У истоков промышленной политики России: меркантилизм и экспансия // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII—XXI вв.: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 350-летию Н.Д. Антуфьева-Демидова. Екатеринбург, 2006. С. 22—30.

ского рынка в XVI—XVII вв. историк обращал «главное внимание на торговлю, а не на развитие ремесла и крупного производства»⁷. Непредвзятый взгляд на проблему позволяет утверждать, что в данном вопросе прав был все-таки С.В. Бахрушин, а не его критики.

Среди других значимых мотиваций выбора обществом экспансионистски-ориентированных способов увеличения своего ресурсно-материального потенциала можно выделить соображения *социальной цены*. Политика абсолютистских режимов, раз ступивших на путь внешних завоеваний, как правило, задавала логику самовоспроизводства такого курса. Вербовка солдат и заготовка вооружений, требовавшие колоссальных расходов, заставляли монархов проявлять чудеса изобретательности в нахождении новых финансовых источников, а это — в условиях узости доходной базы — вновь ориентировало их на войну. Для иллюстрации обратимся к примеру Швеции. В этой стране в правление Карла X Густава (середина XVII в.) основными источниками доходов короны служили сначала займы у крупных сановников и купечества, заклад коронных имений, а затем поддержанная податными сословиями частичная редукция (возврат в казну прежних земельных дарений дворянам). Однако политика редукций имела свои пределы, поскольку грозила создать опасный конфликт между интересами монархии и дворянства. Наиболее приемлемой формой компромисса между фракциями правящего класса в этих условиях могла стать только внешняя экспансия. Выступавшее за войну дворянство понимало, «что чем больше земель будет завоевано за пределами страны и чем больше портовых городов попадет в руки короля, тем полнее будет его казна и меньше потребность в ненавистной редукции»⁸. Отсюда вполне ясно, что внешняя экспансия как способ умножения материальных ресурсов общества выполняет в ряде случаев функцию стабилизации (в худшем варианте — консервации) сложившегося социального порядка, обеспечивая компромисс между традиционными структурами жизни и новыми потребностями общества.

Между тем следует иметь в виду, что подобный стабилизирующий компромисс, достигаемый за счет внешней экспансии, может выступать не только формой социального status-quo, но и

⁷ См.: Копылов А.Н. Бахрушин // Советская Историческая Энциклопедия. Т. 2. М., 1962. Ст. 177.

⁸ История Швеции. М., 1974. С. 201—202.

формой *развития общества*, по крайней мере — подспудного изменения пропорций силы и влияния отдельных социальных агентов в рамках сохраняющегося социального порядка. Территориальный рост Русского государства в конце XVI—XVII вв. происходил в русле расширения собственности абсолютистского государства (которая в силу сохранявшегося патримониального характера русской государственности была в первое время неотделима от собственности царского двора) и связанной с ней системы бюрократического контроля, так как вся земля за Уралом считалась «государевой вотчиной» и принадлежала казне, от которой как оседлое русское, так и кочевое население получало земельные нарезки на особых правах. (Частное землевладение официально допускалось в Сибири только в немногих исключительных случаях).

Это, не нарушая прав и привилегий правящего феодального класса, в свою очередь, *односторонне* усиливало политическое могущество монарха-суверена, резко возвышая новый порядок функционирования власти и ее материальные возможности над старой структурой социальных и политических отношений, в той или иной мере соответствующей нормам сословно-представительной монархии. Как отмечал русский эмигрантский историк В.Н. Иванов, подчиняемые государством «пустые земли» к востоку от Москвы представляли собой для будущих судеб российской монархии нечто совсем иное, чем края, расположенные к западу от столицы, где «живы были отголоски старины, крепки были западные влияния». Поэтому именно направляемая государством колонизация зауральских земель стала, по мнению историка, базой развития «спокойной русской государственности»⁹.

Нечто подобное мы можем наблюдать и на примере других стран, приобретавших значительные территории на стадии перехода к абсолютистской форме монархии. Как отмечает норвежский историк У.Ристе, датские короли Кристиан IV и Фредерик III проявляли свой «имперский» инстинкт после проигранных войн со Швецией в том, что предпочитали делать территориальные уступки победителю за счет Дании, а не Норвегии, которая, являясь наследственным владением датской короны, была для них гораздо ценнее как территориально-силовой ресурс, подкрепляющий «независимость» королевской власти перед лицом

⁹ Иванов В.Н. Мы: Культурно-исторические основы русской государственности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2002. № 2. С. 115.

крупных феодалов — членов Государственного совета, владевших землями в основном на датской территории¹⁰. Таким образом, мы можем сделать предварительный вывод о том, что территориальная экспансия государства зачастую выступает в качестве компенсаторной, наиболее щадящей структуры старого порядка, формы развития общества.

Наконец, обсуждая причины, подталкивающие государства к выбору экспансионистских стратегий развития, нельзя сбрасывать со счетов и различия, наблюдаемые в их естественно-природном базисе, иначе говоря, в их «месторазвитии». По общему правилу, чем более неблагоприятным для интенсивной хозяйственной деятельности является комплекс природно-климатических условий страны (а 2/3 России подпадает под эту квалификацию), тем большее значение в ее развитии должны приобретать экстенсивные факторы, рассчитанные скорее на первичное извлечение природной ренты из уникальных ресурсов, чем на стационарную интенсификацию хозяйственной деятельности¹¹. В этом случае возможности государства опираться в своем развитии на присвоение природной ренты в виде освоения уникальных по богатству баз естественных ресурсов всецело определяются *средней вероятностью* их обнаружения в ходе территориального расширения государства, а следовательно, зависят от *абсолютных размеров* территории, находящейся под его контролем.

II.

Переходя непосредственно к анализу геополитического фактора российских модернизаций XVIII—XX вв., мы можем обоснованно утверждать, что данный фактор определял политику модернизации и в ее исходных предпосылках, и на уровне механизмов ее реализации. Можно считать вполне установленным фактом, что почти весь замысел первой из российских модернизаций — петровской — имел в качестве прототипа типичную для стран европейской «полупериферии» XVII—XVIII вв. (Швеция, Пруссия, отчасти Турция) модель «военных революций». Определяющим моментом в инициировании политики модернизации была внешняя необходимость — стремление стран «полупери-

¹⁰ См.: Ристе У. История внешней политики Норвегии. М., 2003. С. 50.

¹¹ См. об этом подробнее: Горичева Л. Естественно-природные условия развития национальных хозяйств России и Западной Европы // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 2. С. 48—59.

ферии» не отстать от ведущих западноевропейских «центров силы», прежде всего — в наращивании военных возможностей и вопросах развития военных технологий. В России именно это сообщило сильнейший толчок развитию военного производства — первого сектора экономики, в котором ощутимо проявила себя модернизация, распространившаяся затем на смежные отрасли, вовлеченные в снабжение вооруженных сил. Характерно, что большинство крупных предприятий, созданных в России в конце XVII — первой четверти XVIII в., производили продукцию, так или иначе связанную с военными потребностями государства (железо, оружие, военное снаряжение и т. п.)¹². По данным В.В. Мавродина, промышленные предприятия «военного назначения» составляли в этот период 51 % всех вновь созданных предприятий, а об особой заинтересованности государства в таком развитии говорит тот факт, что 43 % всех предприятий были созданы на средства казны¹³. По справедливой оценке Х.-Х. Нольте, «армия в полупериферийных странах превратилась в своеобразного проводника модернизации»¹⁴. Военный характер модернизации и особая роль армии как ее проводника до известной степени уравнивали в модернизируемых странах (включая Россию) появление ростков новой — индустриальной — экономики и политическое восхождение абсолютизма, а в ряде случаев делали их органично дополняющими друг друга компонентами модернизационной модели развития. В России модернизация военно-экономической сферы, к тому же осуществляемая в условиях затяжной Северной войны, объективно не могла не усиливать в политике государства экстенсивных методов наращивания военного потенциала: и элементов экономической автаркии (т. е. опоры на собственные ресурсы), и военно-захватных методов овладения наиболее ценными видами ресурсов. О прямой зависимости успехов в модернизации армии от расширения территориальных ресурсных баз довольно красноречиво свидетельствуют оценки военно-экономических возможностей России, изложенные в донесении резидента венского двора Оттона-Антоня Плейера от 1710 г.: «Железо у царя теперь из Сибири, и такое хорошее и мягкое, что даже и шведского не оты-

¹² См.: Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М., 1997. С. 21.

¹³ Мавродин В.В. Основание Петербурга. 2-е изд. Л., 1983. С. 99.

¹⁴ Нольте Х.-Х. Европа в мировом сообществе (до XX в.) // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. 1993. М., 1993. С. 19.

щещь лучше; дубового и другого крепкого леса с излишком, потому что рубить его запрещено под строжайшим наказанием, кроме как для царского употребления; серы и селитры вдоволь у них из Украины; для бомб и гранат ни в каком месте нечего и желать лучше железа тульского и из Олонца при Онежском озере по его твердости и хрупкости, потому что при разрыве оно рассыпается на множество кусков; металла для литья пушек и мортир навезено из Польши, Ливонии, Финляндии и Литвы... Ружья уже больше им не нужно с такими расходами выписывать из-за моря: сибирское железо дает такие хорошие ружейные стволы, которые на примерной стрельбе всегда выдерживают тройной заряд безо всякой опасности. Все воинское платье у царя теперь из своей собственной земли...»¹⁵.

Запечатленная в энергичных петровских преобразованиях зависимость инициирующих импульсов модернизации и реформ от осознаваемых верхами военной уязвимости страны и необходимости поддерживать геополитический баланс сил во взаимоотношениях с сильнейшими державами, по мнению Ф. Фукуямы, определила и все дальнейшее развитие России на протяжении не менее чем 350 лет. (Ф. Фукуяма определяет эту присущую российской правящей элите мотивацию к модернизации как амальгаму «военных амбиций» и осознаваемых параллельно с ними «сдерживающих препятствий»). Поражение России в Крымской войне 1853—1855 гг., несомненно, открыло прямой путь либеральным реформам Александра II, начиная с отмены крепостного права и кончая попытками внедрения европейских правовых институтов, как и впоследствии поражение царизма в русско-японской войне 1904—1905 гг. дало толчок реформистским начинаниям П.А. Столыпина и экономическому подъему 1905—1914 гг.¹⁶. При этом механизм, определяющий необходимость регулярного возобновления модернизационных «волн» как организуемых властью масштабных кампаний, коренится в двойственности самой модернизации, осуществляемой преимущественно «сверху». А. Гершенкрон в свое время объяснял этот феномен давлением исходной экономической отсталости модернизируемой страны: разрушая в процессе модернизации некоторые структуры традиционного общества, правящая элита использует для этого новые, «современные», формы бюрократического де-

¹⁵ Плейер О.-А. О нынешнем состоянии государственного управления в Московии в 1710 году // Лавры Полтавы / Юст Юль. Оттон Плейер. М., 2001. С. 399.

¹⁶ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. L.; N.Y., 1992. P. 75.

спотизма, а они, в свою очередь, блокируют свободное развитие общества и в ходе новой модернизационной «сборки» вновь берут на вооружение преимущественно традиционные институты¹⁷.

В еще более жесткой форме и с упреждающим, проективным видением развития мировой ситуации (а не *post factum*, после очередного военного поражения, как это было в дореволюционной России) идея необходимости модернизации (прежде всего, в виде крупномасштабной индустриализации страны) как геополитического императива была выражена в советской стратегии модернизации. Международные условия выживания «социализма в одной стране» изначально оценивались лидерами большевизма через призму непреодолимого антагонизма между капиталистическим Западом и Советской Россией, что, как предполагалось, будет перманентно создавать для последней военную угрозу. Пожалуй, яснее всего вытекающий из этого императив ускоренной модернизации выражала сталинская максима: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»¹⁸.

Сколь постоянным было воздействие геополитических императивов на мотивационную сторону инициирования российских модернизаций, столь же постоянной была и присущая России органическая слабость, коренящаяся в недостаточной зрелости экономических и культурных предпосылок масштабной модернизации. Поэтому вполне понятно, что политика российских модернизаций и дореволюционного, и советского периодов с неизбежностью приобретала характер *геополитической задачи*. Это выразилось, прежде всего, в компенсаторной опоре государственных программ модернизации на использование естественных природных богатств, разнообразие и дешевизна которых могли возрастать только с расширением подконтрольной государству географической сферы. Экономические достижения российских модернизаций, прежде всего в совершенствовании материального базиса экономики (вовлечение в хозяйственный оборот новых прогрессивных видов ресурсов, технологий и организация новых производств), как правило, были связаны с поисками или созданием новых территориальных ресурсных баз.

¹⁷ Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Cambridge, 1962. P. 17.

¹⁸ Сталин И.В. *Сочинения*. Т. 13. М., 1951. С. 38—39.

В период петровской модернизации возросшая в связи с военными обстоятельствами потребность государства в черных и цветных металлах покрывалась уже не столько за счет их производства в старых металлургических районах (олонецкие, поволжские и подмосковные заводы), сколько стремительным по историческим меркам и широчайшим по территориальному охвату созданием горно-металлургических баз на востоке страны — почти одновременно на Урале, Алтае и в Забайкалье (Нерчинск). Именно эти регионы, составив тогда стратегическую «ось» индустриального освоения восточных окраин России, обеспечили приращение военно-промышленных и общехозяйственных возможностей страны. При этом суть такой территориально-экономической экспансии (заметим, осуществлявшейся в условиях военного времени и, в общем-то, не выходявшей еще за пределы очагового развития) заключалась не просто в расширении вовлекаемого в развитие пространственно-географического ресурса, но в создании — за счет его возросшего разнообразия — *принципиально новых комбинаций факторов производства*. Исключительная роль природно-географических (а значит, и пространственных) факторов в осуществлении петровской модернизации определялась прежде всего тем, что на ее начальном этапе политика размещения производства почти целиком исходила из того баланса экономии, который достигался *перевесом естественно-природных факторов продуктивности* (наличие богатейших и доступных для разработки ресурсов руды, леса, водной энергии и т. п.) над социально-экономическими и технологическими¹⁹. При примерно одинаковом уровне техники и социальной организации металлургического производства, на Урале себестоимость производства полосового железа была более чем в 2—2,5 раза ниже, чем на олонеецких и подмосковных заводах, и относить это следует почти целиком на счет благоприятных природных факторов²⁰. Однако дело заключалось не только в высоком качестве уральских железных руд и доступности богатейших запасов леса, но и в том, что само наличие крупных запасов топлива и сырья позволяло перейти к организации металлургического производства в принципиально ином, чем прежде, — *крупнозаводском* — масштабе. По-видимому, уже на этой стадии зарождения российской промышленности «эконо-

¹⁹ Опыт российских модернизаций. XVIII—XX века. М., 2000. С. 104—105.

²⁰ Дулов А.В. Географическая среда и история России. Конец XV — середина XIX в. М., 1983. С. 100.

мия масштаба» становилась одним из основных факторов снижения себестоимости продукции, а сами крупнопромышленные формы производства определили на известный период времени принципиальную совместимость организационно-технических основ развития индустрии в России и на Западе, а кое в чем и временное превосходство России. Этот факт свидетельствует о том, что достигаемое в ходе территориальной экспансии *количественное приращение* ресурсов способно при определенных условиях порождать и *новое качество* производственной деятельности. В этом отношении естественно-природные факторы могут рассматриваться как факторы, в подлинном смысле слова, *модернизационные* (уже без скидок на ограниченность и незрелость самой модернизационной модели), или, говоря современным языком, *инновационные*.

Не будет преувеличением сказать, что первая российская модернизация стала возможной именно благодаря исключительным естественно-природным факторам и экстенсивным резервам роста экономики. Об этом ясно говорит сама динамика модернизационного «скачка» первой четверти XVIII в., отраженная в статистике производства черных металлов в России с 1700 по 1800 гг. За 1700—1725 гг. выплавка чугуна в стране выросла со 150 тыс. до 800 тыс. пудов (рост в 5,3 раза за 25 лет), а к 1767 г. — до 4,5 млн. пудов (рост в 5,6 раза за более чем 40-летний период). К 1800 г. темпы прироста производства чугуна несколько замедлились, достигнув лишь 10 млн. пудов (рост по сравнению с 1767 г. в 2,2 раза)²¹. Хотя в абсолютных показателях прирост на протяжении всего столетия имел нарастающую тенденцию, о собственно модернизационном «скачке» (не только количественном, но отчасти и качественном) более убедительно свидетельствует статистическая прогрессия (т. е. кратность этого промышленного роста), соотнесенная со скоростью перемен. За период 1700—1725 гг. ежегодный прирост производства составлял свыше 17 %, в 1725—1767 гг. — 11, а в 1767—1800 г. — только 4 %. Таким образом, пик прироста металлургического производства приходится как раз на начальный этап создания уральской металлургии и потому, как можно предположить, почти целиком был связан с экстенсивным ростом материально-производственной базы. За первую четверть XVIII в. на Урале, по данным Д.В. Гаврилова, было построено 23 круп-

²¹ Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР. М., 1973. С. 233.

ных металлургических завода²², что произвело подлинную революцию в русской металлургии.

Зависимость хода модернизации от расширения пространственно-географической сцены и связанных с этим факторов присвоения природной ренты ярко обнаруживается в политике государства (как главного в условиях России агента модернизации) по установлению контроля над добычей и распределением наиболее ценных и высокодоходных видов ресурсов, которые поэтапно вовлекались в хозяйственный оборот в ходе каждой очередной «волны» освоения окраинных территорий государства. Этому прежде всего служили различные виды экономической и торговой монополии государства. На восточных территориях первым по времени экономическим ресурсом, на который распространялась монополия государства, стала пушнина высшего качества, игравшая с XVI в. важную роль во внешней торговле России с европейскими странами и в пополнении казны. Стремясь оградить ясачные сборы от расхищения, а их естественную ресурсную базу — от быстрого истощения, правительство всячески ограничивало частный торговый оборот пушнины, а также запрещало нарушать земельные права инородцев на охотничьи угодья, вести с ними торговлю (особенно вином и табаком). В 1597 г. царским указом была запрещена торговля пушниной для служилых людей, в 1601 г. специальным указом воеводам строжайше предписывалось пресекать попытки подмены служилыми людьми лучшей пушнины из ясачных сборов собственными «худыми» шкурками. В связи с быстрым истощением естественных ресурсов высококачественной пушнины в 1690-х гг. последовала целая серия указов, преследовавших частную скупку и оборот пушнины «первой руки» служилыми людьми (в частности, через подставных купцов) и устанавливавших монополию казны на торговлю соболиным мехом (1698—1699 гг.). В 1726 г. был введен запрет на продажу купцами пушнины в Китай. Лишь с необратимым упадком пушного промысла и переходом к взиманию ясака в денежной форме (в районах Поволжья — с 1720-х гг., в Сибири — с 1822 г.) большинство этих запретов было снято²³.

В дальнейшем объектом государственной монополии становятся прииск и разработка месторождений золота и серебра. Хо-

²² Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII—XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург, 2005. С. 86.

²³ Опыт российских модернизаций... С. 107.

тя горное законодательство России, как правило, включало золото и серебро в число промыслов, с которых взималась горная подать, частная добыча этих драгоценных металлов в стране до 1812 г. находилась под запретом. Организация горного производства в России вообще находилась под сильным воздействием правительственной регламентации, направленной в конечном счете на резервирование в руках государства стратегически крупных объемов ресурсов военно-хозяйственного назначения: помимо установления монопольной собственности государства на недра, Берг-привилегия 1719 г. предусматривала взимание горной подати с производителей металла в виде 1/10 части валового продукта (а не чистого дохода!) и право государства на преимущественную покупку в казну селитры и меди по установленной (часто заниженной) цене²⁴. При той беспрецедентной организационно-экономической роли, которую государство приобретало в связи с присоединением новых территорий, вполне естественным становилось за счет их ресурсной базы и резкое расширение казенного сектора промышленности. Последний, как правило, включал в себя наиболее продуктивные и высокоценные ресурсные источники, относительно которых государство было заинтересовано в установлении прямого контроля за производством и распределением. Роль частного предпринимательства в этих условиях не могла быть вполне самостоятельной, поскольку, во-первых, базисные факторы производства (посессионное землевладение, т. е. приписка земель к частным заводам; горная регалия на полезные ископаемые; основной контингент рабочей силы в виде приписного крестьянства) продолжали составлять собственность государства, во-вторых, в любой момент они могли быть возвращены в казну (что происходило довольно часто). Так, например, произошло с демидовскими металлургическими заводами на Алтае, которые после открытия там богатейшего серебряного рудника (Змеиногорское месторождение) были взяты в 1747 г. в управление Кабинета и почти полностью перепрофилированы на выплавку серебра²⁵. Фактически, возможности доступа к ресурсам для частного предпринимательства были открыты лишь в той мере, в какой оно могло брать на

²⁴ См. об этом подробнее: Штоф А.А. Горные подати на Западе Европы и у нас: (Очерк из истории горного законодательства) // Горный журнал. 1889. Т. IV. Кн. 10. С. 118—134.

²⁵ Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032—1882 гг. Сургут, 1993. С. 157.

себя риск и тяжесть первоначального промышленного освоения территории и, тем самым, страховать недостаточную эффективность казенного производства, либо тогда, когда продуктивность месторождений падала и они больше не представляли интереса для государства.

Примечательно, что там, где высокодоходные источники экономических ресурсов по времени (XV—XVII вв.) и обстоятельствам (параллельно с формированием централизованной монархии) их освоения начинали эксплуатироваться частными промышленниками, абсолютистское государство в XVIII в. принимало попытки их «догоняющего» огосударствления. Так, например, в XVIII в. обстоит с соляными промыслами Русского Севера и Прикамья — исторически первой крупной отраслью русской промышленности, развитие которой в процессе освоения новых территорий характеризовалось ярко выраженной регионализацией. В 1705 г. была введена государственная монополия на продажу соли, по условиям которой частные солепромышленники должны были сдавать соль в казну по фиксированным (явно заниженным) ценам. С 1760-х гг., после длительного периода упадка в производстве соли, начинают организовываться крупные казенные соляные промыслы (в Дедюхине)²⁶.

Вторая российская модернизация, инициированная «великими реформами» 1860—1870-х гг., в значительной степени унаследовала то решающее значение территориально-ресурсных факторов, которое определилось за полтора столетия до этого. После Крымской войны не только власть, но и русское общество пришли к осознанию того, что одной из главных причин поражения России в соперничестве с европейскими державами являлась узость ее воспроизводственной базы. Это стимулировало активные геологические и экономико-статистические исследования на неосвоенных территориях страны. Однако теперь пространственный фон развития существенно менялся. Если экспансионистский размах петровских преобразований позволял в значительной степени компенсировать недостаток рыночных стимулов развития методами прямой государственной регламентации и достигать, благодаря этому, максимально выгодных (отчасти естественных, отчасти принудительных) комбинаций ос-

²⁶ Харитоновна Е.Д. Из истории солеваренной промышленности Урала XVIII века // Наш край: Материалы V Свердлов. обл. краевед. конф. Свердловск, 1971. С. 25—26; 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов. М., 1995. С. 61—66.

новых факторов производства в отдельно взятых, изолированных очагах сосредоточения ресурсов, то отмена крепостного права, напротив, поставила процесс модернизации в жесткую зависимость от скорости и эффективности спонтанно развивающихся рыночных взаимодействий между территориями страны. Унаследованная послепетровской Россией структура военной империи до известной степени позволяла осуществлять форсированное экономическое развитие при сохранении разобщенности русской экономической жизни, патриархальной неразвитости обмена между отдельными регионами страны. Монополия низких цен за счет эксплуатации уникальных по своей продуктивности природных ресурсов (что предполагало их своеобразный экстенсивный «отбор» в громадных территориальных масштабах) и использование архаичных, во многом искусственно поддерживаемых, социально-правовых институтов предопределяли развитие крупных ресурсных регионов страны как относительно замкнутых хозяйственных и социальных «миров»²⁷.

Вторая модернизация, стартовавшая под знаком преодоления технической и институциональной отсталости страны, в территориальном аспекте предполагала уже ставку на *последовательное расширение* «эффективной национальной территории» посредством развития рынка, пространственной мобильности основных факторов производства (прежде всего, капиталов и труда) и создания транспортной инфраструктуры. Тем не менее, это не отменяло важной компенсаторной роли экстенсивных факторов в экономическом прогрессе страны. К концу XIX в. отчетливо выявился такой лимитирующий развитие фактор как *узость сложившейся территориальной базы промышленного роста*. Д.И. Менделеев в 1896 г. отмечал, что в России главные области «чисто промышленного, т. е. наиболее сложного и развитого быта» исчерпывались немногими центрами (Москва, Петербург, Рига, Варшава), пользовавшимися «выгодами торгового положения» ввиду близости к рынкам Европы, а локализация новых районов динамичного промышленного развития (Южный и Закавказский) в значительной мере определялась тяготением к берегам «теплых морей, занятых Россией сравнительно недавно и составляющих главный путь крупных международных торговых оборотов»²⁸. С геополитической точки зрения такая схема

²⁷ Опыт российских модернизаций... С. 113.

²⁸ Менделеев Д.И. С думою о благе российском: Избр. экон. произведения. Новосибирск, 1991. С. 40, 42, 44.

размещения производства не могла не формировать зависимого типа экономического развития, который в перспективе являлся тормозом прогрессивного структурного усложнения и технологического роста национальной промышленности, не говоря уже о вытекающих из этого последствий для военной безопасности страны. Выход из этой ситуации мог быть найден вновь только на путях пространственной экспансии — решительного сдвига центра тяжести промышленного развития в обширные континентальные районы *внутренней* России. «Восточная программа» С.Ю. Витте, о которой уже много писалось, находила весьма эффективную формулу такого развития: стимулируя развитие связей с мировым рынком, прежде всего — по линии привлечения инвестиций, эта стратегия ориентировалась главным образом на формирование *самодовлеющего типа* индустриального развития за счет освоения новых (в первую очередь, восточных) рынков сбыта и освобождения страны от иностранной зависимости в части промышленного импорта²⁹.

В еще большей мере значение пространственных факторов развития как важнейшей предпосылки и механизма осуществления модернизации обнаруживается в советский период. Помимо тех «преимуществ» советского политического строя, с которыми большевики связывали возможность победы в соревновании с капитализмом, в том числе и в случае открытой военной конфронтации с ним, они первостепенное значение придавали именно физико-географической «диспозиции» советского социализма. В «Заметках по экономическим вопросам» (1926 г.) Л.Д. Троцкий отмечал, что именно в сочетании с пространством России и ее естественными ресурсами политика индустриализации «может вполне обеспечить нашу хозяйственную и военную промышленность» и привести в конечном счете к достижению высшей производительности труда³⁰. Еще более определено в июне 1931 г., на сессии Академии наук СССР, высказался по этому поводу Н.И. Бухарин: «Если экономически социализм утвердился в стране, уровень развития которой находится на мировой средней, то с точки зрения *естественных* условий социализм отвоевал себе страну, которая является самым мощным *единым* участком мировой территории... Таким образом, «строитель-

²⁹ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI—XX века / Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. М., 2004. С. 67.

³⁰ Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927 гг. Т. 1. М., 1990. С. 170.

ная площадка социализма занимает лучший участок мира»». Законченное выражение этот «геополитический оптимизм» приобретает у Н.И. Бухарина, когда он объявляет гигантский пространственно-ресурсный потенциал Советской России едва ли не главным фактором, способным определить исход экономического соревнования с капитализмом: «Исторически вопрос о борьбе капиталистического и социалистического сектора мирового хозяйства стал так и в такой форме, что социализм получил в свое распоряжение первоклассную величину, будучи поставлен перед задачей освоения “Евразии”. Если наиболее передовой капитализм вырос в Америке и обнаружил “американский” размах, социализм должен иметь еще больший, “большевистский” размах»³¹. Таким образом, не только с позиций поддержания военной безопасности СССР, но и в самих исходных возможностях построения «социализма в одной стране» (т. е. вне развитых связей с мировым рынком и преимущественно на базе экономической автаркии) значение геополитического фактора виделось лидерам большевизма исключительно важным, если не решающим. По существу, оно таким было и в практической плоскости — в ходе осуществления программы индустриализации.

Поясним в заключение, почему определенные типы пространственной экономической экспансии государства мы должны рассматривать именно как проявления геополитического фактора развития. В отличие от историко-географического подхода, который «конкретизирует наши представления о пространственной стороне исторического процесса, ... изучает географию исторического прошлого человечества», геополитика оперирует не просто категориями пространственно-географического развития общества, но представлениями о *структурных свойствах и измерениях* историко-географического пространства. Это, в частности, означает, что географические элементы, характеризующие состав той или иной исторически формирующейся государственной территории и ее положение в мировой (или региональной) системе государств, могут быть, с позиций геополитики, далеко не равноценными. Одни из них могут иметь определенное экономическое значение и характеризовать механическое расширение осваиваемого пространства, но при этом не играть сколько-нибудь значимой роли в решении императивной задачи существования любого государства — его стабилизации и

³¹ Бухарин Н.И. Избранные труды: История и организация науки и техники. Л., 1988. С. 42, 43.

выживания во враждебном окружении, поддержания его безопасности; другие же, напротив, в процессе своеобразного исторического «отбора» выявляют свою *стратегическую роль* в качестве опорных элементов всей социальной, экономической и политической конструкции государства, определяя тем самым в решающих моментах *структуры исторического действия*. Такие критически важные для существования государства географические элементы его территории, взятые в системном, конфигуративном единстве, принято обозначать как *геополитический паттерн*. Иначе говоря, геополитика вводит в анализ взаимоотношений общества и природно-географической среды *ценностный компонент*, который проявляется прежде всего в «отборе» и моделировании географических свойств территории, действительно критически важных для выживания народа как государственно оформленной общности³². Мы полагаем, что и на стадии инициирования российских модернизаций, и на стадии их осуществления фактор территориальной экспансии играл именно такую структурирующую роль.

³² См.: Зубков К.И. Геополитика как отражение структур исторического опыта // Воспитательный потенциал исторического образования: сб. науч. ст. XII всерос. ист.-пед. чтений. Екатеринбург, 2008. Ч. I. С. 120.